

DOI 10.25991/VRHGA.2024.1.1.021

УДК 141.319.8

*Е. Д. Грезова**

СОВРЕМЕННЫЙ ЭДИП КАК СУБЪЕКТ ЭТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

В статье рассматриваются трактовки и изложения древнегреческого мифа о царе Эдипе как субъекте этического действия в его отношениях с мирской и божественной сферами. В разных эпохах и культурных ситуациях и сам Эдип как тема для философского осмысления или персонаж художественного произведения, и оценка его этической субъектности и личной или метафизической ответственности отличаются друг от друга, и в этих различиях иллюстрируется понимание этической субъектности человека и вообще этических представлений каждой эпохи или культурной ситуации.

Ключевые слова: этический субъект, Эдип, Анти-Эдип, постмодерн, постпостмодерн, этический релятивизм, этика.

E. D. Grezova

CONTEMPORARY OEDIPUS AS A SUBJECT OF ETHICAL ACTION

This article reviews interpretations and presentations of the ancient Greek myth about King Oedipus as a subject of ethic action in his interaction with the secular and the divine. Throughout different epochs and within various cultural situations the image of Oedipus himself varies, both as a topic for philosophical comprehension and as a fictional character; the assessment of his ethic subjectivity and personal or metaphysical responsibility differs accordingly. And these differences illustrate the understanding of a person's ethic subjectivity, as well as ethic ideas in general, within each era or cultural situation.

Keywords: ethical subject, Oedipus, Anti-Oedipus, postmodern, post-postmodern, ethic relativism, ethics.

* Грезова Екатерина Дмитриевна — аспирант, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, преподаватель, Витебская духовная семинария, Республика Беларусь; dzh-gr@mail.ru

Grezova Ekaterina Dmitrievna — graduate student of the Russian Christian Humanitarian Academy. F. M. Dostoevsky, dzh-gr@mail.ru, teacher at Vitebsk Theological Seminary, Republic of Belarus

Древнегреческий миф об Эдипе по сей день не оставляет пространства искусства и философского дискурса. Но в разные времена как невольные претерпевания, так и сознательные действия царя Эдипа находят разное понимание, рассматриваются через призму актуальных эпохе мировоззренческих и этических представлений.

Эдип в европейской культуре похож на шекспировского Призрака отца Гамлета или на булгаковский платок Фриды — это фигура, из эпохи в эпоху на аффективном уровне взывающая к устроению *справедливого* порядка мирской и божественной сфер. Причем справедливость здесь — не некая неизменная высшая истина. Речь скорее о сиюминутном ощущении или об интуитивном стремлении к справедливости/несправедливости, которое не предполагает получение окончательного реального удовлетворения, а лишь сподвигает выбирать новое направление поиска. Жажда *справедливости* Эдипа, с одной стороны, всегда детерминирована актуальной для эпохи этикой, а с другой, — проживая себя, если не детерминирует эту этику, то по крайней мере значительно на нее влияет, а с начала XX в. эта история становится одним из важнейших сюжетов европейского интеллектуального пространства.

В данной статье мы рассмотрим Эдипа как субъекта этического действия в отношениях с инобытийным, божественным миром и в отношениях с миром земным. Мы будем основываться на материале философских и художественных произведений разных эпох, которые в наибольшей степени отражают этическую субъектность Эдипа в оптике своей, произведения, эпохи. Однако рамки статьи вынуждают нас ограничиться одним произведением для одной эпохи или культурной ситуации. Для того чтобы внимательнее рассмотреть Эдипа в контексте XX–XXI в., Эдипа премодерна и модерна мы обозначим наиболее кратко и обобщенно.

Самое древнее дошедшее до нас целиком и потому самое распространенное античное изложение мифа об Эдипе — это драмы Софокла «Царь Эдип» («Эдип-тиран») и «Эдип в Колоне». Именно благодаря Софоклу Эдип занял свое место в пространстве европейской мысли. По мнению А. Г. Гаджикурбанова, история Эдипа оказала огромное влияние на понимание морали в Древней Греции [2]. В «Лекциях по эстетике» Гегель обращает внимание на разницу этической оценки персональной и имперсональной ответственности субъекта в героическом и современном ему обществе — обществе Нового времени [3, с. 196]. Эдип модерна завершается разработкой Зигмундом Фрейдом (Freud) понятия «эдипова комплекса», который присущ, по мнению автора, каждому человеку [10, с. 219] — и это становится толчком для появления протестного, постмодерного «Анти-Эдипа» — книги и концепции Жюльи Делёза (Deleuze) и Феликса Гваттари (Guattari) [5]. Для рассмотрения понимания постпостмодерного Эдипа как субъекта этического действия мы воспользовались современной трактовкой мифа, представленной в фильме «Музыка» 2023 года режиссера Ангелы Шанелек (Schanelec) [7].

В древнегреческом мифе, известном более всего в изложении Софокла, и Лай, и Эдип в какой-то момент узнают, что предначертано каждому из них судьбой, и всячески стремятся избежать своей участи. Проклятье, павшее на них, по всей видимости, есть результат преступления, совершенного Лаем

против Хрисиппа, — Эдип причастен к этому проклятью только по случайности рождения. Более того, и цель, и средства Лая и Эдипа существенно отличаются. Во-первых, Лай спасает собственную жизнь, а Эдип спасает свой нравственный облик. Во-вторых, Лай жертвует Эдипом — своим ребенком, существом слабым и зависимым от него, тем, кого должен оберегать и защищать. Эдип же жертвует своим домом и комфортом, отправляясь в странствие. Далее Эдип, узнав о том, что пророчество все-таки свершилось и он, того не ведая, стал убийцей своего отца и мужем своей матери, согласно самой известной версии мифа, в отчаянии ослепляет себя, — согласно примечаниям В. Н. Ярхо к изданию «Эдипа в Колоне», «сам себя покаравший Эдип под конец жизни должен был приобщиться к сонму “героев”», [1]. В то же время он прокликает своих сыновей в ответ на их презрение — т. е. ему не удается стать полной противоположностью своего отца в принимающей любви к собственным детям. Таким образом, ни в одной интерпретации древнегреческого мифа о царе Эдипе он не представляется ни намеренным злодеем, ни благочестивым святым, которого бы нарочито пытались обелить авторы. Эдип может вызывать сочувствие зрителя, но не восхищение; он достаточно мудрый и смелый герой, однако — «просто человек», «средний человек», которого сопровождает злая судьба, но который находит в себе силы для противодействия ей и для покаяния: это может случиться с каждым. (Для сравнения: ни на одном этапе сюжета действия Лая невозможно назвать вынужденными — кроме разве что зачатия сына в состоянии опьянения).

В статье «Объективные основания морального поступка и имперсональная вина» А. Г. Гаджикурбанов пишет про необходимое «различие вины метафизической и вины моральной» применительно к истории царя Эдипа, а также о том, что Эдипов «мифологический образ, линия судьбы неотделимы от всего того, что с ним происходит во внешнем плане, но они совершенно не касаются его уже проснувшегося внутреннего мира». Так, внешние обстоятельства, какими бы непреодолимыми они ни были, не лишают героя этической субъектности. Под метафизической виной А. Г. Гаджикурбанов понимает

«детские изначально свойственной человеку “природы” (генетической и физической детерминант его индивидуальности и объективных “условий человеческого существования”), над которой субъект моральной воли не властен» [2, с. 00],

что «не входит в компетенцию моральной воли, которая определяет условия субъективной (персональной) моральной вины» [2, с. 00]. В свою очередь, поступки героя, основанные на его свободном волевом выборе, составляют «его уже проснувшийся внутренний мир» [2, с. 00] и не могут быть затронуты внешними, не зависящими от воли героя обстоятельствами.

Итак, судьба Эдипа, на которую он не может повлиять, задается богами (за грех Лая) — и Эдип противится воле богов, хоть и без малейшего успеха. В отношении же мира, мирского (Фив) Эдип проявляет заботу, дважды спасая город — и оба раза успешно.

Однако в мирском, социальном измерении метафизическая вина Эдипа имеет не нейтральное значение. Так, в драме Софокла хор аттических старцев сначала изгоняет Эдипа:

«Прочь! Удались, поднимайся с седалища,
Край наш покинь! Уходи — и немедленно!
Чтобы на город наш праведный
Бед не навлечь ненароком!» [8, с. 77]

А его моральные поступки воли — спасение Фив от Сфинкса, спасение Фив от мора, самоослепление — не являются полным, безоговорочным искуплением метафизической вины пред глазами людей. Но в отношениях с божественным миром именно моральные деяния Эдипа дают ему право на посмертную участь героя, метафизическая же вина на его отношения с божественным не влияет. (А уже благоволение богов в свою очередь станет оправданием перед людьми.)

Божественное в отношениях с Эдипом выступает почти как «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо» — правда, «вечно» не в значении «всегда», а в значении «в вечности». Алексей Федорович Лосев пишет:

«Софокл сам не решается критиковать Аполлона, но в уста своей Иокасты он вложил настоящий скептицизм по адресу Аполлона, и в результате вся судьба Эдипа представлена как своеобразное насилие Аполлона над человеком» [6, с. 533].

Итак, царь Эдип выстраивает свои отношения с мирским и божественным как субъект действия на основании собственного, интериорного этического нарратива. В своей деятельности, направленной на отношения с миром, он достигает желаемого (два спасения Фив), но сограждане отвергают его по причине его метафизической вины. В деятельности же, направленной на отношения с божественным (попытка избежать судьбы), Эдип терпит неудачу, однако за персональные моральные поступки правила божественного мира предуготовляют ему причисление к сонму героев — редкая честь для смертного человека. А. Г. Гаджикурбанов отмечает, что «из Эдипа берет начало сама история греческой моральности — ее ткань составляет переплетение метафизической вины и вины моральной» [2, с. 00] Таким образом, для древнегреческого общества драмы Софокла являются своего рода «выяснением отношений» с богами, это было необходимо для осознания индивидуальных этических представлений — внутреннего этического нарратива, принадлежащего лично человеку, а не человечеству, не человеческому миру, не мирозданию, включающего людей и богов.

Антропологическая парадигма модерна фундируется на картезианском перевороте: после *cogito ergo sum* человеческая субъектность обретает некоторую самостоятельность от божественной, и это затрагивает также этическую субъектность. В «Лекциях по эстетике» применительно к трагедии царя Эдипа Гегель пишет, что в премодерном (у Гегеля — героическом) обществе

«субъект, оставаясь в непосредственной связи со всей сферой своей воли, своих действий и свершений, целиком отвечает за все последствия своих действий» [3, с. 196] — это не зависит от намерения и знания субъекта действия, т. к. он «отделяет себя от того нравственного целого, которому он принадлежит, сознавая себя лишь в субстанциальном единстве с этим целым» [3, с. 197].

Сепарация человеческой субъектности от божественной, наступившая в эпоху модерна, приводит к разделению моральной ответственности: человек

принимает ее на себя только за то, что сделал сознательно, он больше не мыслит себя в субстанциальном слиянии с мирозданием, поэтому

«снимает с себя ответственность за ту часть своего деяния, которая вследствие неведения или неправильного понимания самих обстоятельств вышла иной, чем он этого хотел, и вменяет себе лишь то, что он знал и в связи с этим знанием совершил умышленно и намеренно» [3, с. 196–197].

Метафизическая вина больше не может вменяться лично субъекту-индивиду: как если бы только после разъяснения Декарта о самостоятельности существования человека в нашей культуре появилось осознание, что первоначальный грех действительно искуплен. И если в преמודерной, героической литературе, согласно Гегелю, «субстанциальное, нравственное и правовое начала еще не противопоставлены отдельному характеру и вообще индивиду» [3, с. 196–197], то в литературе модерна герой намеренно обнаруживается в таких условиях объективной действительности, в противостоянии которым он сможет раскрыться как этический субъект, не нарушив индивидуальной целостности своей моральности из-за внешней ему, метафизической вины.

Таким образом, будь Эдип современником Гегеля, его отношения с богами и миром были бы совсем иными. Границы его субъектности сужаются: он остается субъектом этического действия там, где действовал сознательно и свободно. Там же, где его поступки не были сознательными и свободными, «я сделал» неизбежно переходит в «со мной сделали» — Эдип-субъект становится объектом чужого воздействия.

Сепарация человеческой субъектности от божественной, произошедшая в модерне, дает возможность разграничить и ответственность за этические поступки: на этом этапе отношения Эдипа с Аполлоном выяснены до окончательной прозрачности. Единственно возможное распределение: Эдипу принадлежат лишь его моральные деяния, а то, что произошло по воле богов, и принадлежит им.

В отношениях же с миром Эдип модерна как этический субъект не меняется, но меняется мир по отношению к нему. Эдип более не рассматривается человеческим миром в нераздельности с божественным, воля Аполлона более не вменяется в вину Эдипу. Драма немощи маленького человека перед властью всемогущего божественного провидения рационализируется и десакрализируется культурной ситуацией модерна.

Особенное значение и распространение история Эдипа приобретает в 1900 году: выходит в свет работа З. Фрейда «Толкование сновидений», где он, в числе прочего, пишет о «Царе Эдипе» Софокла. За пределами своего внимания Фрейд оставляет вопросы этики и метафизики драмы, сосредотачиваясь на отцеубийстве и инцесте, а также гносеологическом пути — прозрении главного героя:

«Действие трагедии состоит не в чем ином, как в постепенно пробуждающемся и искусственно замедляемом раскрытии — аналогичном с процессом психоанализа — того, что сам Эдип — убийца Лая и в то же время сын убитого и Иокасты» [10, с. 218].

Именно здесь речь начинает идти о том Эдипе, который представляется французской постмодернистской мысли как фашистская, угнетающая субъекта идея.

Фрейд распространяет метафизическую вину Эдипа на все человечество, на любого человека, при этом заменяя судьбу (волю богов) на желание, атрибутирующее субъекта: «Царь Эдип, убивший своего отца Лая и женившийся на своей матери Иокасте, представляет собой лишь осуществление желания нашего детства» [10, с. 219]. И в этом одна из главных особенностей Эдипа Фрейда: в любых прежних изложениях и интерпретациях Эдип руководствуется одним волевым желанием — не убивать отца и не жениться на матери; у Фрейда же отцеубийство и инцест выступают как его, Эдипа, желания. Однако речь идет о разных желаниях. Когда мы говорим о древнегреческом Эдипе, желание понимается как волевой акт субъекта, за которым следуют обязательные действия. В случае же Эдипа Фрейда желание есть присущее человеку от младенчества свойство, которое человек, как правило, не в силах даже осознать. Таким образом, «эдипизация бессознательного» становится для человека презумпцией этической испорченности — своего рода светским вариантом первородного греха, но без презумпированного искупления. Фрейд пишет: «Как Эдип, мы живем, не сознавая антиморальных желаний, навязанных нам природой; сознав их, мы все отвратили бы взгляд наш от эпизодов нашего детства» [10, с. 219]. Речь идет все о той же метафизической вине — упомянутом выше «детстве изначально свойственной человеку “природы”» [2, с. 00]. Так, из древнегреческого «случайного человека», жертвы фатума, Эдип становится «каждым человеком».

Интерпретация Фрейда изменяет понимание Эдипа опосредованно — через изменение понимания желания Эдипа (и вообще желания). Желанием премодерного Эдипа руководила его воля, оно основывалось на принятии этического решения и свободном выборе этого решения, тогда как желание Эдипа Фрейда — не решение, а свойство субъекта, которое он может сублимировать до социально приемлемой формы, но которым не может управлять как субъект этического действия: как если бы мы стали говорить о человеке только как о носителе первородного греха, умалчивая и об искуплении этого греха Жертвой Иисуса Христа, и о том, что человек сотворен по образу и подобию Божию со свободной волей. Эдип остается тем же, но, хотя культурная ситуация модерна, согласно Гегелю, высвобождает его от имперсональной вины, смена фокуса с начала XX века вынуждает к атрибутированию субъекта-Эдипа через его страдательное испытывание «отвратительного» [11, с. 219] желания, а не через его сознательные решения и поступки. Также следует заметить, что в этом изменении фокуса нравственность основывается не на интериорном этическом нарративе субъекта, а на его вынужденной социализации, т. е. экстериторном этическом нарративе, тем самым оставляя без внимания внутреннюю способность к принятию не детерминированного внешними обстоятельствами волевого решения, на которой основывается субъектность этического действия.

В 1972 году выходит в свет «Анти-Эдип» — первый том двухтомной работы Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Капитализм и шизофрения», в котором, в числе прочего, Эдипу как субъекту модерна (и премодерна, хотя на этом

и не акцентируется внимание) противопоставляется постмодерный Анти-Эдип. Фигура Анти-Эдипа задает принципиально отличное от психоаналитического понимание желания. В предисловии к американскому изданию книги М. Фуко предостерегает читателя от отношения к «Анти-Эдипу» как к новой философской теории: это, по его словам, «анализ отношения желания к реальности и к капиталистической “машине”», который отвечает, в числе прочего, на вопрос «Как желание вводится в мысль, в дискурс, в действие?» [5, с. 4]. Желание здесь выступает не как фрейдистское клеймо испорченности, а как машина производства реальности, в т. ч. — самого субъекта.

Фрейдистская экстраполяция якобы желания (на самом деле — трагедии) Эдипа на всех людей необходимо вызывает у философии субъекта постмодерна требование сатисфакции в отношениях с миром, в котором этот субъект существует. Постмодерный субъект Делёза определяется лишь своим свойством высказываться, уходить от любой попытки определить себя. И если Эдип Фрейда — субъект экстерниорного этического нарратива, Анти-Эдип должен отвергнуть принуждение любых внешних детерминант (в том числе этических), однако для верности он отвергает вообще любые детерминанты. Это бунт философии субъекта: если все Эдип, то никто не Эдип, и тогда все будут против Эдипа, все будут Анти-Эдипом.

Фрейд соединяет фигуры отца и Бога в одну общую фигуру Отца. Такая идея имеет основания для определения причины метафизической вины античного Эдипа: мы можем одинаково справедливо утверждать, что преступление Лая против Хрисиппа стало причиной проклятья Эдипа и что воля богов — причина этого проклятья. Однако для Анти-Эдипа сразу существует Отец — его роль ограничивается ролью причинителя. Кроме того, и мир как внешнее обстоятельство для Анти-Эдипа сливается с фигурой Отца.

Выход, который субъект постмодерна находит для себя, чтобы освободиться от насилия несчастливого жребия, — вообще отвергнуть существование любой внешней причинности, закрыть на нее глаза. Метафорически происходит то, что происходит каждый раз: Эдип ослепляет себя. В ситуации постмодерна — ему это необходимо для того, чтобы стать Анти-Эдипом. А превращение в Анти-Эдипа позволяет субъекту-Эдипу начать свой сюжет заново, с чистого листа.

Мы не можем описать все аспекты, все отличительные черты современной эпохи, подразумеваемой под зонтичным термином «постпостмодернизм», — этим описанием еще долго будут заниматься культурологи и философы. Однако следует выделить одну особенность — появление новой этики после морального плюрализма постмодерна. К примеру, анализируя творчество Дэвида Фостера Уоллеса (Wallace), хрестоматийного представителя метамодернистской литературы, Чарльз Никсон (Nixon) приходит к выводу, что Уоллес выстраивает позитивную, наличную этику при помощи тотализации идеи этического релятивизма, привычного постмодерной культуре. [12, с. 93] Умер ли субъект, обесценилась ли идея этики — история человеческой культуры продолжается даже после «конца истории», человек заново выстраивает свою субъектность и свои этические представления. Это похоже на посттравматическую реабилитацию: долгую, сложную работу, результат которой не гарантирован.

Ярким примером этого восстановления может выступить развитие идеи Эдипа как субъекта этического действия в фильме «Музыка» 2023 года немецкого режиссера Ангелы Шанелек. События мифа перенесены в наше время, некоторые детали сюжета скрыты, а другие — сильно изменены, что позволяет увидеть историю Эдипа иначе. Герои фильма почти не разговаривают — самые важные события происходят в молчании, будто это естественный ход вещей.

Эдип-Ион случайно убивает Лая-Элиоса в ответ на домогательства после ограбления. Важно заметить, что нигде в фильме нет указания на их кровное родство (как и на родство Эдипа-Иона с Иокастой-Иро) — мы можем домыслить его только опираясь на классическую версию мифа. Таким образом, уже Лай и Иокаста у Шанелек могут пониматься как случайные люди.

Факт домогательства Лая к Эдипу смешивает образы Эдипа и Хрисиппа, благодаря чему мы можем понимать пострадавшего молодого человека как, опять же, случайного молодого человека. Греческий сюжет соращения Лаем Хрисиппа мог произойти с любыми людьми, неизменно только одно: насильник убит, хотя убит он кем угодно.

При этом в фильме Шанелек этиология соматических стигм Эдипа неизвестна — они не нанесены ему кем-то (слугой по приказу отца или самим собой), а просто появляются. На его ногах раны с младенчества: приемная мать, тюремный врач и Иро пытаются облегчить его физические страдания, но в единственный раз, когда об этом говорят в фильме, Иро затрудняется ответить провизору, что это за раны. Когда Иро узнает, что ее бывшего возлюбленного убил ее нынешний муж и отец ее дочери, она совершает самоубийство — Ион остается в неведении, что стало причиной такого поступка. Вскоре Ион слепнет, его потеря зрения показывается на экране, но не обсуждается.

После смерти жены Ион продолжает жить: переезжает в большой город, профессионально занимается музыкой, растит дочь, — ни прошлые трагедии, ни потеря зрения не мешают ему в этом. И в отличие от Эдипа Софокла, Эдип-Ион не сокрушается по поводу своего вдовства и потери зрения, он просто живет дальше, наслаждаясь маленькими радостями обыденности, творчества, межличностного общения.

Шанелек нарочито не демонстрирует зрителю ни одного четкого проявления этической субъектности Эдипа как осознанного волевого акта, но, несмотря на это, последствия метафизической вины настигают его в конце сюжета: ослепление, которое в классическом мифе было сознательным актом покаяния через самонаказание, в фильме Шанелек появляется в форме метафизической кары. Зрителю остается догадываться, было ли это следствием психосоматики (т. е. таким бессознательным образом действовала интериорная этика), или наказанием свыше, или — вероятнее всего — психосоматика и наказание свыше есть одно и то же, когда мы говорим о наказании, необходимо следующим за грехом, как естественном законе человеческого существования в мире.

Нет в фильме и демонстрации каких-либо отношений с миром и Богом кроме безропотного принятия всего, что посылает судьба. Для современного Эдипа фигура отца отсутствует, а мир и инобытийное неразличимы — он принимает все, в том числе себя, как часть мироздания.

Так, после ситуации постмодерна мироздание для Эдипа-субъекта остается прежним — независимо от того, умер ли субъект в постмодерне, ниспровергнута ли этика иронией и т. д. — субъект остается прежним, потому что работает в прежнем режиме его интериорный этический нарратив, и именно из-за этого остается прежним мир субъекта, а возможно, и его представления о Боге над ним.

Таким образом, Эдип может служить маркером этического нарратива того времени, в котором появляется на страницах книг или экранах, а также маркером ожиданий от этической субъектности человека и понимания своей этической субъектности человеком в разных эпохах и культурных ситуациях. Дальнейший анализ Эдипа как субъекта этического действия в интеллектуальном и художественном пространстве XXI века поможет глубже понять и сформулировать то, какой может быть этика после постмодерного этического релятивизма, может ли она существовать в прежнем виде — виде этического метанарратива, а также то, каким может быть понимание субъектности человека после «смерти субъекта» в постмодерне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Миф о Эдипе. К истолкованию символики мифа о Эдипе. (Конспект. В кн.: Античность и современность. М., 1972. С. 90–102). — [Электронный ресурс] // http://ec-dejavu.ru/m/Mif_o_Edipe.html (дата обращения: 27.10.2023)
2. Гаджикурбанов А. Г. Объективные основания морального поступка и имперсональная вина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2015. — Вып. 4 (24). — С. 22–27.
3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В четырех томах / Под ред. и с предисл. Мих. Лифшица. — Т. 1. — М.: Искусство, 1968–1973.
4. Даренский В. Миф об Эдипе в контексте «философии диалога» // Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции: материалы XIX Международной конференции. — СПб. — 2006. — № 2. — С. 77.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 672 с. (Philosophy). — Перевод изд.: Capitalisme et schizophrénie. L'Anti-Œdipe / Gilles Deleuze, Felix Guattari.
6. Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян / Сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. — М.: Мысль, 1996. — 975 с.
7. «Музыка» («Musik»), реж. А. Шанелек, 2023)
8. Софокл. Трагедии / Пер. с в. Шервинского; ред., послесл. и примеч. Ф. А. Петровского. — М.: ГИХЛ, 1958. — 464 с.
9. Софокл. Царь Эдип // Sophocles. Tragoediae. Софокл. Драмы / пер. Ф. Ф. Зеллинского. Под ред. М. Л. Гаспарова и В. Н. Ярхо. Издание подготовили М. Л. Гаспаров и В. Н. Ярхо. Серия «Литературные памятники». — М.: «Наука», 1990. — [Электронный ресурс] // URL: http://www.lib.ru/poeeast/sofokl/sofokl3_1.txt (дата обращения: 27.10.2023).
10. Фрейд З. Толкование сновидений / Пер. с нем. М. К. и Я. М. Коганов. С приложением очерка А. Р. Лурии «Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии». — М.: Академический проект, 2020. — 475 с. — (Психологические технологии).

11. Фрейд З. Тотем и табу / Пер. с нем. А. М. Боковиков. — М.: Академический проект, 2020. — 159 с. — (Психологические технологии).

12. Nixon C. R. The work of David Foster Wallace and post-postmodernism. Submitted in accordance with the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. The University of Leeds. School of English. September, 2013.

REFERENCES

1. Averintsev S. S. (1972). Mif o Edipe. K istolkovaniiu simvoliki mifa o Edipe. [Myth of Oedipus. Towards the interpretation of the symbolism of the myth of Oedipus]. — [Elektronnyi resurs] // http://ec-dejavu.ru/m/Mif_o_Edipe.html (data obrashcheniia: 27.10.2023)

2. Gadzhikurbanov A. G. (2015). / Ob"ektivnye osnovaniia moral'nogo postupka i impersonal'naia vina [Objective grounds of moral action and impersonal guilt] // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofii. Psikhologii. Sotsiologii. — Vyp. 4 (24). — S. 22–27.

3. Gegel' G. V. F. (1968–1973). Estetika [Aesthetics]: V chetyrekh tomakh / Georg Vil'gel'm Fridrikh Gegel'; Pod redaktsiei i s predisloviem Mikh. Lifshitsa. — T. 1. — Moskva: Iskusstvo.

4. Darenskii V. (2006). Mif ob Edipe v kontekste «filosofii dialoga» [The myth of Oedipus in the context of the “philosophy of dialogue”] // Dinamika npravstvennykh prioritov cheloveka v protsesse ego evoliutsii: materialy XIX Mezhdunarodnoi konferentsii. — SPb. — № 2. — S.77.

5. Delez Zh., Gvattari, F. (2007). Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniia [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia] — Ekaterinburg: U-Faktoriia, — 672 s. (Philosophy). — Perevod izd.: Capitalisme et schizophrénie. L'Anti-Œdipe / Gilles Deleuze, Felix Guattari.

6. Losev A. F. (1996). Mifologiiia grekov i rimlian [Mythology of the Greeks and Romans] / Sost. A. A. Takho-Godi; obshch. red. A. A. Takho-Godi i I. I. Makhan'kova. — M.: Mysl', 1996. — 975 s.

7. «Muzyka» («Musik», rezh. A. Shanelek, 2023)

8. Sofokl. Tragedii. (1958). [Tragedy] / Per. s. V. Shervinskogo; red., poslesl. i primech. F. A. Petrovskogo. — M.: GIKhL, 1958. — 464 s.

9. Sofokl. (1990). Tsar' Edip [Oedipus the Tyrant]. V perevode F. F. Zelinskogo. Pod red. M. L. Gasparova i V. N. Iarkho. Izdanie podgotovili M. L. Gasparov i V. N. Iarkho. Seriia «Literaturnye pamiatniki». — M.: Nauka. — [Elektronnyi resurs] // URL: http://www.lib.ru/poeast/sofokl/sofokl3_1.txt (data obrashcheniia: 27.10.2023)

10. Freid Z. (2020). Tolkovanie snovidenii [Dream interpretation] / Per. s nem. M. K. i Ia. M. Koganov. S prilozheniem ocherka A. R. Lurii «Psikhoanaliz v svete osnovnykh tendentsii sovremennoi psikhologii». — M.: Akademicheskii proekt. — 475 s. — (Psikhologicheskie tekhnologii).

11. Freid Z. (2020). Totem i tabu [Totem and taboo] / Per. s nem. A. M. Bokovikov. — M.: Akademicheskii proekt. — 159 s. — (Psikhologicheskie tekhnologii).

12. Nixon C. R. (2013). The work of David Foster Wallace and post-postmodernism. Submitted in accordance with the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. The University of Leeds. School of English.